

Су Чжохуа опустил голову. Пряди волос, упавшие на лоб, скрывали покрасневшие глаза, обнажая лишь плотно сжатую линию челюсти.

Люди в гостиной постепенно разошлись, и небо за окном становилось всё темнее.

В конце концов дом опустел, и лишь Чжохуа всё так же стоял на коленях посреди комнаты.

В какой-то момент перед ним возникла рука с бумажной салфеткой.

Чжохуа поднял голову и увидел рядом Чэнь Синье.

Тот звал его уже довольно долго, но не дождавшись ответа и заметив, что щеки парня пылают нездоровым жаром, протянул руку и коснулся его лба:

— Су Чжохуа, у тебя жар.

Чжохуа проигнорировал его, снова отвернувшись.

— Ты болен, нужно в больницу. — Чэнь Синье схватил его за руку, но, почувствовав ледяную кожу, нахмурился: — Почему твоя одежда мокрая?

Чжохуа резко сбросил его руку и вернулся в прежнее состояние полной неподвижности.

Не в силах ни уговорить, ни поднять его, Чэнь Синье просто опустился на колени рядом — их тени слились в одно размытое пятно.

— Все только и твердят, что ты хилjak, не знаю уж, правда это или нет.

— Ты правда думаешь, что выдержишь, если будешь так упираться?

Он пристально смотрел на посиневшую линию челюсти Чжохуа и нарочно понизил голос:

— Если бы старик Су увидел тебя в таком состоянии, он, боюсь, вылез бы из гроба, чтобы тебя отругать.

Сидящий рядом человек оставался неподвижен, словно холодный камень, который невозможно согреть; даже ресницы не дрогнули.

Чэнь Синье оставалось лишь молча составить ему компанию.

Так продолжалось до тех пор, пока Чжохуа внезапно не покачнулся, и его раскаленный лоб тяжело не упал ему на плечо.

Чэнь Синье подхватил его за затылок, и подушечки пальцев обожгло прикосновением к пылающим щекам. Отраженный свет огня в полуприкрытых глазах парня напоминал осколки разбитого стекла.

Холодные, словно лед, черты лица в этом свете казались мягче, чем у прибитой дождем розы, и выглядели до боли беззащитно.

Они были слишком близко, их дыхание смешалось...

Он тихо усмехнулся, подхватил парня на руки и повез в больницу.

Он думал, что за ночь жар спадет, но титул хилека оказался оправданным: температура постоянно скакала.

Чэнь Синье пришлось отправить секретаря в семью Су, чтобы предупредить их, а самому — не отходить ни на шаг, опасаясь, что кто-нибудь воспользуется болезнью Чжохуа, чтобы облить его грязью.

Двое суток он дежурил у кровати, но состояние Чжохуа не улучшалось, и Чэнь Синье пришлось поспешно сменить несколько клиник.

В бреду Чжохуа то и дело тихо стонал от боли.

Лишь спустя пять дней он окончательно пришел в себя. Повернув голову, он увидел Маленькую Черепашку, прикорнувшую у края подушки — похоже, она выбилась из сил.

— Почему ты вернулась? — спросил Чжохуа.

Увидев, что он очнулся, Маленькая Черепашка едва не расплакалась от радости:

— Я просто почувствовала, что тебе нужна помощь, вот и пришла.

Когда в палату вошел Чэнь Синье и увидел, что Чжохуа проснулся, он быстрым шагом подошел и коснулся его лба.

Убедившись, что жар спал, он с облегчением выдохнул, и напряжение, сковывавшее его плечи, наконец отступило.

Следом за ним у кровати остановился Чу Ичэнь с непроницаемым выражением лица.

Чэнь Синье посчитал, что они все росли вместе, поэтому честная конкуренция — это нормально, и именно поэтому он сообщил Чу Ичэню, что Чжохуа в больнице.

Взгляды Чжохуа и Чу Ичэня на мгновение встретились, но тут же равнодушно разошлись.

Чэнь Синье, почувствовав, как в воздухе сгустилось напряжение, уже было открыл рот, чтобы сгладить углы, но фраза Чу Ичэня: В семье Су мы всё уладили, никто не посмеет воспользоваться ситуацией — мгновенно заморозила атмосферу.

Чжохуа опустил глаза, и его ресницы отбросили холодную тень на щеки. Когда он заговорил, голос его звучал пугающе спокойно:

— А дедушка?

Чэнь Синье поспешно ответил:

— Его уже похоронили.

Чжохуа больше ничего не сказал и медленно отвернулся.

— Выйдите, — его голос, приглушенный подушкой, звучал холодно и безапелляционно. — Я хочу побыть один.

Чжохуа думал, что разрыдается, но внутри него было тихо, словно на замерзшем озере, где не было ни единой ряби.

Он даже засомневался, не холоден ли он сердцем, просто слишком лицемерен и сам поверил в свою маску.

Семья Су... стоит ли возвращаться?

В конце концов Чжохуа вернулся в свою квартиру. Просторные апартаменты не казались слишком пустыми или неудобными.

Солнечный свет проникал сквозь панорамные окна, но не мог согреть фигуру, свернувшуюся калачиком на диване.

Благодаря стараниям дедушки Су он был обеспечен всем необходимым, но сейчас чувствовал себя так, словно из него вытянули все силы.

Его настроение напоминало сезон дождей в Цзяннани: без гроз и молний, лишь нескончаемая сырость, проникающая в самые кости, отчего даже дыхание казалось тяжелым и влажным.

В дверь настойчиво постучали, но Чжохуа не шелохнулся.

В последние дни Цзян Яньцы словно установил на него маячок: звонил без конца и появлялся на пороге через день, отчего виски начинали пульсировать от раздражения.

— Чжохуа, открой,пусти меня. — Голос за дверью звучал с непреклонным упрямством.

Боясь, что он разбудит соседей, Чжохуа с мрачным лицом распахнул дверь:

— Чего ты хочешь?

Цзян Яньцы боком протиснулся внутрь и, почти прижавшись к его спине, закрыл дверь. Его теплое дыхание коснулось уха Чжохуа:

— Пришел приготовить тебе поесть.

— Я могу заказать доставку, не нужно.

— Перестань есть эту гадость. — Он направился прямо на кухню, а проходя мимо, скользнул взглядом по худым плечам Чжохуа: — Через пару дней переедешь ко мне, чтобы не создавать проблем.

Чжохуа даже не поднял глаз, продолжая листать ленту в телефоне, чтобы убить время.

Когда аромат еды донесся из кухни, он медленно перебрался к обеденному столу и начал ковырять палочками рис, не проронив ни звука.

— Поешь и собирай вещи, — Цзян Яньцы пододвинул к нему миску с супом, его тон не допускал возражений. — Впрочем, ладно, я сам соберу их позже, сегодня ты едешь со мной.

Уголок его рта изогнулся в предвкушающей улыбке, словно у хищника, настигшего добычу.

Чжохуа с грохотом бросил палочки, и фарфоровая чашка звонко ударилась о столешницу:

— С чего ты взял, что можешь мне приказывать?

— Дедушка Су ушел, — Цзян Яньцы наклонился, опираясь на стол, и его взгляд, полный

обжигающего давления, впился в парня. — Теперь только я могу о тебе позаботиться.

— Ты думаешь, мне нужна твоя забота? — Чжохуа сжал зубы так, что заныли челюсти.

— Кроме меня, кто еще тебя защитит? Ты можешь гарантировать, что те люди из семьи Су не тронут тебя? Или что у других нет на тебя своих планов?

Теплота в глазах Цзян Яньцы мгновенно исчезла. Он схватил Чжохуа за запястье с такой силой, что, казалось, готов был раздробить кости:

— Не будь глупцом. Ты не хочешь впутываться в эти дела, но это не значит, что другие оставят тебя в покое.

Не дожидаясь ответа, он притянул его к себе, и его ладонь, горячая, словно раскаленное железо, легла на спину:

— Сиди смирно, не дергайся.

Не успел он закончить, как его горячие губы коснулись шеи Чжохуа. Тот весь напрягся и попытался оттолкнуть его, но руки Цзян Яньцы, словно стальные тиски, сжали его еще крепче. В тот момент, когда воротник рубашки подался, он услышал тихий смешок Цзян Яньцы прямо у уха. Его дыхание опаляло, заставляя кожу на затылке покрыться мурашками:

— Не убегай.

Грудь Чжохуа тяжело вздымалась, и он, собравшись с силами, с размаху влепил Цзян Яньцы пощечину.

Звонкий звук эхом разнесся по пустой гостиной, и на лице мужчины на мгновение застыло выражение изумления.

Чжохуа воспользовался моментом, чтобы вырваться, ударился поясницей об угол стола, отчего пошатнулся, но все же удержался на ногах, вцепившись в край стола.

<http://bllate.org/book/18787/1824514>